

УДК 811.161.1'373.4

Интертекстуальні елементи в документальній та автобіографічній прозі (на матеріалі оповідання Д.Граніна «Зубр»)

Интертекстуальные элементы в документальной и автобиографической прозе (на материале повести Д. Гранина «Зубр»)

Intertextual elements of documentary and autobiographical prose (on the material of D. Granin's story 'Zubr')

Щаслива Наталія Святославівна
Щасливая Наталия Святославовна
Shchaslyva Natalia Sviatoslavivna

Национальный педагогический университет имени Н.П. Драгоманова

Подана стаття присвячена дослідженню категорії власних імен як інтертекстуальних елементів у дискурсі автобіографічної документальної прози.

Ключові слова: *власне ім'я, антропонім, топонім, інтертекст, прецедентний феномен.*

Данная статья посвящена исследованию категории имен собственных как интертекстуальных элементов в дискурсе автобиографической документальной прозы.

Ключевые слова: *имя собственное, антропоним, топоним, интертекст, прецедентные феномены.*

This article is devoted to the exploration of the category of proper nouns as intertextual elements in the discourse of autobiographical documentary prose.

Key words: *proper noun, anthroponym, toponym, intertext, precedent phenomenon.*

В современной художественной литературе широко представлены средства интертекстуальной информации: цитаты, аллюзии, имена собственные, заимствование образов других авторов и под. По наблюдениям исследователей, литература в настоящее время «все больше становится не литературой о жизни, а литературой о литературе» [6, с.31].

Основные положения стилистики онимов в художественной речи исследовали В.В. Виноградов, Ю. А. Карпенко, В. А. Никонов, Н. К. Фролов, соотношение антропонимикона поэтического и реального, системность поэтической ономастики и её роль в тексте – С. И. Зинин, В. Н. Михайлов, О. И. Фонякова, поэтику имен собственных – В.М. Калинин, Э. Б. Магазаник,

В. А. Кухаренко, Л. М. Щетинин, процессы номинации – В. М. Калинин, А. В. Суперанская.

Цель настоящей статьи – проанализировать лишь один вид интекстовых включений в повести Д.Гранина «Зубр» – имена собственные.

Имена собственные, как известно, тесно связаны с эпохой, временем: они содержат как лингвистическую, так и экстралингвистическую информацию.

В современной лингвистике под *именем собственным (ИС)* принято подразумевать «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [3]. ИС являются значительным межъязыковым слоем лексики, как правило, не требующим перевода, что ведет к появлению иноязычных ИС в любом языке.

ИС является порождением и отражением культуры; их разнообразие обусловлено не только различием языков, в которых эти имена созданы или употребляются, но и многообразием духовных и материальных культур. Культурологический аспект ономастических исследований определяется, прежде всего тем, что ИС – «продукт» определенной эпохи и определенной культуры, своеобразный культурный код эпохи (Ю. Лотман). Так, при введении в текст антропонима *Гитлер*, в сознании реципиента возникает образ фашизма, фашистской Германии, например: «*В июле 1944 года произошло покушение на Гитлера, и положение всех политических заключенных резко ухудшилось. Гитлеровцы теперь расстреливали, уничтожали, не считаясь ни с какими именами. Был расстрелян сын Нобелевского лауреата, великого немецкого физика Макса Планка...*». Имя немецкого лидера, наряду с именем нарицательным *гитлеровцы*, находится в оппозиции по отношению к ИС *Макс Планк*. Введение данных антропонимов формирует образ страны и ассоциируется с позитивным и негативным началами. Указанные ИС служат также целям формирования хронотопа текста, они выполняют номинативную и омадативную функции. Ср. также ИС: «*Издавались они тогда активно: «Азбука коммунизма», «Анти-Дюринг», буквари, Конституция, – типографии*

работали вовсю, бумаги было много, и рассылали книги по всему отечеству»; «Был возобновлен журнал «Природа», основан Кольцовым «Журнал экспериментальной биологии», Лазаревым – журнал «Успехи физических наук»...» [2]. Как видим, атрибутированные хрематонимы характеризуют эпоху послереволюционной России.

ИС, являясь одной из универсалий культуры (одновременно «олицетворяющие» собой национальное и включающие полинациональное, т. е. «стержневые» элементы, общую основу человеческой сущности), наравне с культурой выполняет кумулятивную (накопительную) и информационную функции. Они (ИС) являются частью языка, на протяжении всей своей истории тесно связанного с жизнью общества.

Таким образом, можно утверждать, что ИС – совершенно особый языковой знак, тесно связанный с понятием культуры. ИС помогают более полно раскрывать культурологический потенциал текста.

Осуществляя «память культуры» (Ю. Лотман), ИС часто являются ключом к пониманию текста, позволяют реконструировать «текст в тексте», во многих случаях ИС характеризуют идиостиль писателя.

Для творческой манеры Д.Гранина характерно обращение к прецедентным именам: *«Олег Цингер вспоминает, как он привозил Тимофеевым сына художника Добужинского, библиотекарей Андрея и Дину Вольф, Мамонтова, Ломана, Всеволожского...» [2]. Отметим, что не каждое ИС является прецедентным, вернее, не для каждого реципиента данные ИС являются прецедентными. По мнению А.В.Суперанской, «переходя в язык как систему знаков, ИС должно обрести некоторую долю интеллектуальной информации, которая позволила бы установить его связь с логико-предметными рядами», и которая сделала бы возможным «включение их в сообщение на правах семантически значимых, а не только номинативных слов» [4, с.7].*

ИС – неотъемлемый элемент формы художественного произведения. Будучи необходимым элементом стиля писателя, ИС в контексте всегда

эстетически значимо, оно живет и воспринимается в «сложной и глубокой образной перспективе», в «перспективе целого» [1]. Семантико-стилистический потенциал, заложенный в ИС как оригинальной культурно-языковой категории, актуализируется в тексте. Введение того или иного ИС в ткань художественного произведения в каждом конкретном случае обусловлено определенными авторскими установками.

Имя персонажа выступает как одна из ключевых единиц художественного текста, как важнейший знак, который, наряду с заглавием, актуализируется по мере прочтения произведения. Это проявляется в тех случаях, когда оно занимает позицию заглавия и тем самым привлекает внимание читателя к называемому им персонажу, особо выделяет его в художественном произведении. Так, Д.Гранин сравнивает Тимофеева-Ресовского с зубром, редким древним животным, подчеркивая это сходство выразительным описанием внешности героя: *"Могучая его голова была необычайна, маленькие глазки сверкали исподлобья, колюче и зорко"; "густая седая грива его лохматилась* [2]. Удачно найденная метафора, позволяет автору называть своего героя Зубром, тем самым подчеркивая его исключительность и превосходство над окружающими.

ИС могут быть использованы как определенные стилистические и выразительные средства, обладающие богатыми ассоциативными и информативными возможностями, способствующими приращению смысла создаваемого текста.

Читатель узнает о генеалогии гранинского героя – Николая Тимофеева-Ресовского. Оказывается, он является отпрыском древнего дворянского рода, чье *«действие было заполнено пращурами не только девятнадцатого, но и ранних веков»* вплоть до Ивана Грозного; ученый хорошо знал своих предков, что свидетельствует о высокой культуре героя, его духовном богатстве. Герой повести *«ощущал себя ближе к Александру Невскому, чем к современникам»*.

В исследованиях, посвященных художественной речи, постоянно отмечаются огромные экспрессивные возможности и конструктивная роль

имен собственных в тексте. Антропонимы и топонимы участвуют в создании образов литературного произведения, развертывании его основных тем и мотивов, формировании художественного времени и пространства, передают не только содержательно-фактическую, но и подтекстовую информацию, способствуют раскрытию идейно-эстетического содержания произведения, часто выявляя его скрытые смыслы.

К примеру, описывая тяжелый период жизни Тимофеева, Д.Гранин вводит в текст казалось бы банальный эпизод: *«Однажды возвращались они [Зубр с супругой] из гостей ночью. Зубр был выпивший и, выйдя на Фридрихштрассе, запел во весь свой голосище про атамана Кудеяра и двенадцать разбойников. Потом про ямщика. В разгар войны посреди ночного спящего Берлина орал русские песни»* [2]. Русскому читателю атаман Кудеяр известен как самый кровавый и легендарный разбойник, персонаж русского фольклора середины XVI века. Сама же песня написана на стихи Н.Некрасова «12 разбойников». Представленный отрывок иллюстрирует несомненное умение автора использовать интертекстуальные элементы, мастерски включая их в ткань повествования.

Имена собственные в их взаимодействии образуют ономастическое пространство текста, анализ которого позволяет выявить связи и отношения, существующие между разными персонажами произведения в их динамике, раскрыть особенности художественного мира автора. В ономастическом (антропонимическом) пространстве текста имена персонажей сближаются или, напротив, вступают в оппозицию. Так, в предыдущем примере мы наблюдали оппозицию топонимов *Берлин*, *Фридрихштрассе*, которые характеризует пространство страны-противника, и России. В примере же, когда Зубр *«трубно возвещал, что Лысенко – это Распутин»*, ИС достигают максимальной идентичности.

«Входя в художественный текст семантически недостаточным, имя собственное выходит из него семантически обогащенным и выступает в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс определенных

ассоциативных значений» [3].

Во-первых, имя собственное указывает на социальный статус персонажа, его национальную принадлежность и, кроме того, обладает определенным историко-культурным ореолом; во-вторых, характер употребления антропонима в тексте отражает определенную точку зрения (повествователя или другого персонажа) и служит ее сигналом, а смена имени героя обычно связана с развитием сюжета; в тексте, наконец, могут актуализироваться символические смыслы антропонима и отдельных компонентов имени или фамилии. Возьмем, к примеру, следующую выдержку из цитаты Олега Цингера – близкого товарища Николая Тимофеева, который из-за близости душевной называет его просто Колюша: *«Когда Колюша рассказывал о себе, получалось впечатление, что перед вами человек, проживший не одну жизнь. Рассказывал, как он был студентом, казаком, как был где-то ранен, но верная лошадь его спасла. Где-то он голодал и питался в сарае воробьями, которых убивал снежками! Где-то на Украине он отбивался от бешеных собак. Один раз, спрыгнув с дерева, босой упал на гадюку... Все рассказы были красочны, нельзя было ими не восторгаться... Было в них что-то гоголевское, смесь Ноздрева, Хлестакова, да еще с примесью Лескова»* [2]. Представленные литературные антропонимы выступают в роли средств в раскрытии художественного образа главного героя. Употребление топонима *Украина* наряду с реминисценциями на гоголевских персонажей являются этому яркой иллюстрацией.

Имя собственное в структуре текста, с одной стороны, устойчиво, с другой, – повторяясь, семантически преобразуется, обогащаясь в художественном пространстве текста «приращениями смысла». Семантически осложненное имя собственное участвует в создании не только связности, но и смысловой многомерности художественного текста. Оно является одним из важнейших средств воплощения авторского замысла и концентрирует в себе значительный объем информации: «Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно» [5].

Филологический анализ художественного текста, в котором, как правило, не бывает «незначащих» имен (Ю. Тынянов), требует особого внимания к антропонимическому пространству текста, прежде всего к именам главных героев в их соотношении или противопоставлении. Для понимания текста важно учитывать этимологию имени собственного, его форму, соотнесенность с другими именами, аллюзийность, место в номинативном ряду, связь ИС с образными характеристиками героя, а также со сквозными образами текста в целом. Рассмотрение имен собственных в тексте служит часто ключом к его интерпретации, позволяет глубже понять систему образов, особенности композиции. Например: *«По вечерам на берегу Можайского моря устраивали костер и большой треп. <...> Кто о чем: о своих путешествиях, картинах Рериха, о женской красоте, о стихах Марины Цветаевой»*; *«Он [Зубр] не понимал, как можно не знать Некрасова, Лермонтова, как можно не помнить Грибоедова, Гоголя, не говоря уже о Пушкине»* [2].

С точки зрения ономастики, имя собственное – это универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичное понятие и общее представление об этих объектах в языке и речи, в культуре народа [7, с.21].

Интертекстуальные средства, таким образом, универсальны, они участвуют в формировании хронотопа текста. Имена собственные как одно из средств интертекста занимают особое место в системе интекстовых включений. Их анализ способствует более глубокому изучению идиостиля писателя.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Язык художественного произведения / В.В.Виноградов // Вопр. языкознания. – 1954. – № 5. – С. 18–20
2. Гранин Д.А. Собрание сочинений в 5т. Т.1. Иду на грозу: Роман; Повести. – Л.: Художественная литература., 1989. – 592 с.
3. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – [Электронный ресурс] / Н.А.Николина. Режим доступа: <http://any->

book.org/download/44613.html

4. Суперанская А.В.Имя нарицательное и собственное / Отв.ред. А.В.Суперанская. – М.: наука, 1978. – 207с.
5. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы / Ю.Тынянов. – Л.: Прибой, 1929. – С.17
6. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности или Интертекст в мире текстов / Н.А.Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
7. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте: Учебное пособие / О.И.Фонякова. – Ленинград: Печатно-множительная лаборатория ЛГУ, 1990. – 105 с.

